

СТЕФАН БАТОРИЙ
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ,
КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ БЕЛАРУСЬ

Речь Посполитая была уникальным явлением в европейской истории. С одной стороны, конфедерацией Королевства Польского и Великого княжества Литовского и Русского (ВКЛ) правили монархи. С другой стороны, их выбирало дворянство, а на престол могли взойти как местные уроженцы, так и иностранцы. Порой иноземцы оказывались бездарностями, но были среди них и выдающиеся правители. Одним из них оказался Стефан Баторий.

Трансильванский воевода

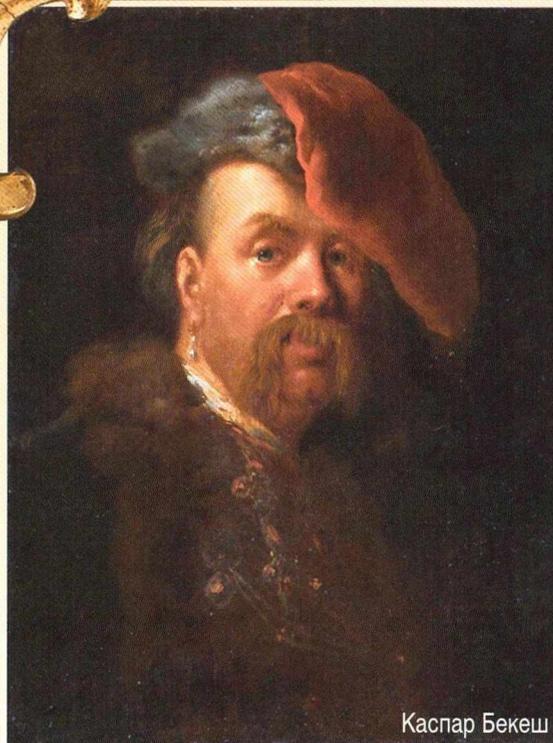
Предки Баториев упоминались в летописях еще в XI веке, а с XV столетия не раз занимали высокие государственные посты в Трансильвании, входившей тогда в состав Венгерского королевства. Правда, в 1526 году армия этой страны была разбита турками-османами в битве при Мохаче. Из примерно 35 тыс. человек, которых привел с собой король Лайош II, погибли до 20 тыс. Монарх во время бегства утонул, а вот отцу Батория, Иштвану IV, удалось спастись. Отряды османов тут же рассеялись по землям страны, грабя и уничтожая все на своем пути. Параллельно

началась междоусобная война между претендентами на трон – австрийским эрцгерцогом Фердинандом I Габсбургом и трансильванским воеводой Яношем I Запольяи. Последнего поддержал Иштван IV.

27 сентября 1533 года у дворянина родился сын, тоже названный Иштваном, по-нашему – Стефаном. Своего отца мальчик не запомнил – тот скончался всего через несколько месяцев, и воспитанием ребенка занималась мать Катерина Телегди. У паренька были хорошие наставники, а в юности он даже некоторое время учился в престижнейшем Падуанском университете. А вернувшись домой, вступил в армию Фердинанда I, победившего в гражданской войне. Однако в 1553-м их дороги разошлись: Баторий попал в плен к туркам, а монарх отказался его выкупать. Молодому человеку удалось освободиться, после чего он перешел на сторону Яноша II Жигмонда Запольяи, пошедшего по стопам отца и тоже претендовавшего на венгерскую корону. Следующие несколько лет Баторий был личным представителем нового покровителя, а однажды попытался от его имени заключить договор с Фердинандом I, но после провала переговоров был брошен в темницу. Выйдя оттуда,

Падуанский университет

Каспар Бекеш

Стефан узнал, что его место занял другой дворянин – Каспар Бекеш. Казалось, карьера Батория закончена, но он сумел постепенно отвоевать утраченные позиции при дворе. В последующие годы Стефан упрочил свое положение, обзаводясь все новыми сторонниками, и многие были уверены, что именно Баторий станет наследником бездетного Заполья.

В 1570-м Янош II, фактически правивший Восточной Венгрией, отказался от претензий на корону всей страны, признав себя просто князем Трансильванским. А уже в следующем году скончался, завещав трон... Бекешу! Стефана такой вариант не устраивал – он собрал верные себе войска и отвоевал корону. И это несмотря на то, что Каспара поддерживал новый король и император Максимилиан II. Впрочем, править Трансильванией оказалось нелегко – пришлось лавировать между австрийцами и османами и признать зависимость от султана. Впрочем, фактически Баторий всегда и везде действовал самостоятельно, не оглядываясь на османов и поступая только так, как считал нужным.

Второй Ягайло?

Тем временем в Великом княжестве Литовском и Русском, основу которого составляли земли Беларуси, разворачивались драматические события. В ходе Ливонской войны армия Русского царства захватила часть территорий на востоке, включая древнюю столицу

наших предков-кривичей – Полоцк. Сил для противостояния войскам Ивана IV не хватало, и в 1569-м пришлось согласиться на создание Речи Посполитой. За помощь в войне поляки запросили немалую цену – все украинские земли, принадлежавшие ВКЛ. Вот только пользы от этого договора было немного – в 1572-м скончался Сигизмунд II Август, и начался период бескорольевья. Сначала на трон избрали француза Генриха Валуа, но тот скоро сбежал на родину, пришлось искать нового монарха. Кандидатов было несколько, включая того же Ивана IV или его сына, но двумя основными претендентами стали Максимилиан II и Баторий.

Сегодня кому-то может показаться странным, что шляхта обратила внимание на далекую Венгрию. Но на деле между странами существовали давние связи. Династия Ягайловичей (Ягеллонов), вышедшая из ВКЛ, долгое время занимала венгерский трон, а сестра Яноша I Заполья Барбара была женой короля и великого князя Сигизмунда I Старого. Впрочем, соперник у Батория был не менее серьезный, к тому же пользовавшийся поддержкой магнатов. Они верили, что Максимилиан II будет редко появляться в Речи Посполитой, оставив власть крупнейшим дворянским родам. Шляхта же мечтала о правителе, который подтвердит ее привилегии и разберется с внешними врагами. Тут на Габсбурга рассчитывать не приходило: он не желал усиления страны, расположенной неподалеку от его владений. С Баторием все было

иначе — он согласился на все условия и был готов воевать за ВКЛ.

Правда, иноземец не знал ни польского, ни старобелорусского языков, на которых тогда велось делопроизводство. Однако представитель трансильванца заявил, что Баторий хорошо образован и легко выучит местный говор. Это стало чуть ли не единственным невыполненным обещанием: общаться с подданными (и даже с женой!) монарх будет строго на «общевропейском языке» — латыни.

Голоса разделились, и тут белзский староста Ян Замойский совершил неожиданный ход — выдвинул в королевы Анну, дочь Сигизмунда II. Править она должна была не самостоятельно, а вместе с Баторием, но никто не сомневался, кто будет главным. Это перетянуло сомневающийся на сторону трансильванца — в умах поляков всплыл сюжет почти 200-летней давности, когда литвин Ягайло женился на королеве Ядвиге, а потом разгромил Тевтонский орден. Оставалось убедить магнатов, бросив на чашу весов последний камешек. В начале 1576-го Баторий передал

власть над Трансильванией своему брату Криштофу, а сам с несколькими тысячами обученных солдат появился в Польше. У Габсбурга таких аргументов не нашлось, и новым монархом объявили Стефана. 1 мая 1576 года состоялась коронация и свадьба с Анной, хотя особой любви между супругами не было. Да и детей у них не появилось, что неудивительно — супруге было 52 года. И монарх с головой окунулся в государственные дела, не видясь с женой месяцами и даже годами. У него была великая цель: разгромив всех врагов Польши и ВКЛ, сколотить большую коалицию и изгнать Османскую империю из Европы.

Реформы Батория

Практически сразу же новому правителю представился шанс проявить себя — взбунтовался Гданьск, поддерживавший Габсбурга. Стефан, конечно, не мог позволить вольному городу отделиться, ведь через него шла торговля Речи Посполитой с заморскими странами. В августе 1576-го началась война, которую не остановила даже смерть Максимилиана II. Небольшое войско Речи Посполитой наголову разгромило превосходящие силы противника, но дальше все пошло не по плану: осада затянулась на полгода — сказывалась плохая подготовка пехотинцев и недостаток артиллерии в войсках. Ситуация оказалась патовой: в декабре 1577-го горожане сделали вылазку и были разгромлены, но укрепления Гданьска остались неприступными. Пришлось идти на мировую. Осада была снята, монарх подтвердил привилегии порта, получив взамен 200 тыс. злотых, которые потратил на подготовку кампании на востоке.

Затяжной конфликт заставил Батория задуматься, как воевать с более мощным врагом. Выход был один — провести реформу, создав профессиональную армию, получающую денежное довольствие. Формально у страны уже было так называемое кварцанное войско, содержавшееся на четверть доходов от королевских имений. Вот только даже по документам численность этой армии в королевстве Польском не превышала 3 тыс. пехотинцев и тысячу кавалеристов, в реальности же в 1576-м их было в два раза меньше. Конечно, у большинства соседей тоже не имелось крупных постоянных армий (их время придет позже), но в случае войны они собирали большие силы, чем Речь Посполитая с ее шляхетскими вольностями.

Первые реформы начались еще во время конфликта с Гданьском — в 1576 — 77 годах. Кавалерия была поделена на легкую и тяжелую. Легкая использовала кольчуги, щиты, сабли, пики и даже луки. Тяжелая кавалерия —

гусария – отказалась от щитов или луков, получила полноценные металлические нагрудники, шлемы, длинные и прочные копья. Все это было нужно, чтобы применять в боях особую тактику – таранный удар конницы, скачущей в сомкнутом строю. Тут авторы реформы угадали на 100%: шляхта считала службу в кавалерии престижной и охотно в нее записывалась. Сражаться гусарии чаще всего приходилось на открытой местности, то есть там, где можно быстро разогнаться и смять боевые порядки противника – так что и здесь все было верно. Конечно, для достижения успехов нужно было тренироваться, но Батори удалось убедить гусар, что это необходимо. В итоге тяжелая кавалерия Речи Посполитой надолго пережила своего основателя, став законодательницей военной моды в Восточной Европе.

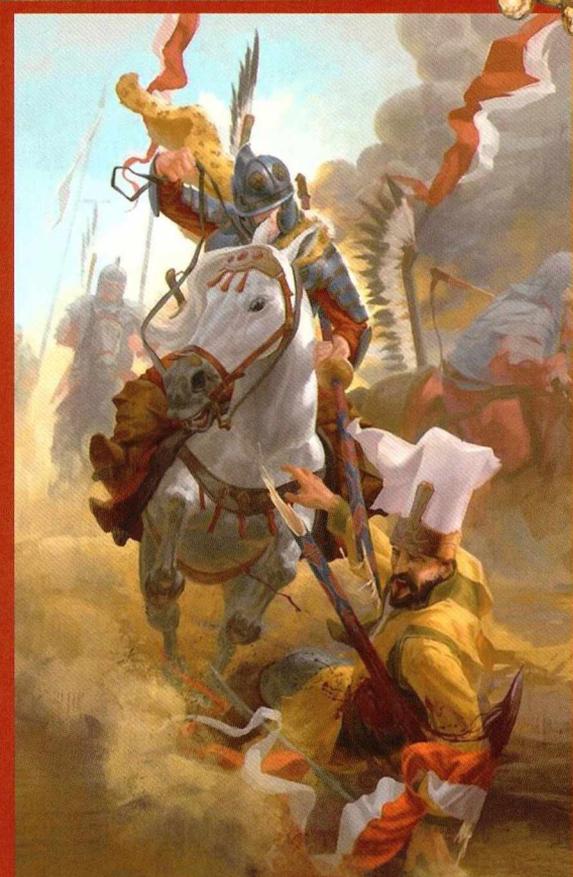
Впрочем, и про царицу полей Баторий не забыл и в 1578 году объявил о создании «выбранецкой пехоты» (на ВКЛ эта реформа распространится только в 1595-м). От каждого из 20 крестьянских дворов планировалось брать одного мужчину, который избавлялся от повинностей и получал за службу надел земли. А те селяне, которые не шли в армию, обеспечивали своего пехотинца оружием и снаряжением. Во время войны солдат обязан был явиться на сборный пункт, а в мирное время должен был раз в три месяца участвовать в сборах. Благая идея разбилась о две преграды. Во-первых, Баторий забыл, что подтвердил все привилегии, которые шляхта и магнаты получили в предыдущие полтора столетия. Дворянам не хотелось лишаться молодых и здоровых крестьян, поэтому сейм постановил, что монарх может нанимать «выбранецкую пехоту», но только в ко-

ролевских имениях. Во-вторых, сами крестьяне не горели желанием воевать. Конечно, идея получить земельный надел и освобождение от повинностей им нравилась, но рисковать своей головой желающих нашлось немного. В результате такие солдаты давали взятки офицерам, чтобы получить галочку в графе «Был на сборах». Несмотря на это, «выбранецкая пехота» просуществовала до самого конца Речи Посполитой, хотя ее численность и осталась небольшой.

Победа на востоке

Впрочем, все это было рассчитано на будущее, а магнаты и шляхта ждали побед здесь и сейчас. И в 1576 году начался наем отрядов венгерской и немецкой пехоты. Дворянство было этим недовольно, утверждая, что Баторий хочет установить в стране абсолютизм. Но крыть аргументы монарха, заявившего, что штурмовать замки конницей нельзя, было нечем. Тем временем король и великий князь не стал откладывать дело в долгий ящик – в 1579-м он уведомил Ивана IV, что возобновляет войну. Действия Стефана были стремительными – собрав свыше 40 тыс. человек, он нанес удар туда, где никто не ждал. Монарх выступил на Полоцк, который уже 16 лет находился под контролем Русского царства и был прикрыт сетью недавно построенных крепостей. Современники считали это безумием, но план сработал – город был осажден, подвергся бомбардировке и регулярным штурмам. Правда, Стефан опасался, что если осада затянется, то повторится

Элитную кавалерию неспроста называли крылатыми гусарами — за спиной у грозных бойцов действительно имелись крылья. Правда, изначально они крепились к щитам, седлу, руке или даже конской гриве. Лишь в последней трети XVII века большинство гусар наконец-то выберут классику жанра — крепление к кирасе, хотя многие выходцы из Беларуси продолжают использовать вариант с седлом. Зачем же гусарам нужен был этот необычный элемент экипировки? Некоторые историки утверждают, что крылья защищали от арканов, используемых татарами, однако есть и те, кто считает, что они просто устрашали противника. Но вот насчет способов устрашения мнения расходятся. Одни говорят, что шелестение перьев крыльев вместе со звериными шкурами за спиной гусар пугало вражеских лошадей. Другие — что благодаря перьям визуально казалось, будто кавалеристов больше, чем на самом деле. Третьи — что устрашал сам по себе необычный вид конницы. Есть даже версия, что крылатые гусары хотели показать врагу, как на него скачет войско ангелов, хотя, скорее всего, крылья выбрали просто как красивый символ. Символ, переживший свое время: уже в годы Второй мировой 1-я польская бронетанковая дивизия выбрала себе эмблемой шлем с гусарскими крыльями.

ситуация с Гданьском, ведь венгерские, немецкие и польские пехотинцы были не готовы к длительным сражениям без дополнительной оплаты. Сражаться до конца собирались только наши предки-белорусы, в документах часто называемые литвинами, и это впечатлило Батория. Возможно, именно поэтому он в дальнейшем благоволил ВКЛ, предпочитая жить в Гродно.

Русский гарнизон продержался всего три недели, после чего капитулировал, выговорив себе право свободно выйти из города. А Стефан продолжил свой блицкриг — до конца года были взяты все замки, построенные по приказу Ивана IV в Беларуси. Большинство из них сдались почти сразу, лишь осада Сокола затянулась на неделю. В Москве были шокированы — никто не ждал, что «высочка из Семиградья», как русский царь называл Батория, в считанные недели переломит ход войны. И это было только начало. В 1580-м Стефан продолжил наступление — он освободил ряд белорусских городов и взял Великие Луки. Тем временем летучие отряды литвинов совершали ответные набеги на приграничные земли враждебного соседа. Наибольших успехов в этом деле достигли полководцы Филон Кмита-Чернобыльский, Константин Острожский и другие, пройдя по Смоленщине и Северной земле и показав, что Иван IV не способен защитить земли, которые считает своими.

Русский царь, еще недавно насмехавшийся над Баторием, попросил о переговорах. Однако Стефан был уже не согласен просто на возвращение земель ВКЛ, потребовав всю Ливонию, Великие Луки, Псков и Новгород. Такие притязания нужно было подтвердить делом, но тут всплыла старая проблема — ни магнаты, ни шляхта не желали продолжения войны. В феврале 1581-го король с трудом добился согласия на возобновление боевых действий, обещав надолго замирить Москву. Депутаты согласились выделить еще немного денег при одном условии: эта кампания станет последней. В августе 40-тысячное войско, примерно наполовину состоявшее из жителей ВКЛ, выступило в поход. Около трети армии ушло прикрывать пограничные земли, а большинство солдат отправились к новой

Стефан Баторий под Псковом

цели – Пскову.

В то время этот город был отлично защищенной каменной крепостью, в которой находился мощный гарнизон – его численность, по разным данным, составляла от 8 до 30 тыс. человек. Скорее всего, у Стефана было примерно двукратное численное преимущество, но оно нивелировалось прочностью укреплений. Взять Псков было возможно, лишь пробив брешь в стене, вот только еще в самом начале кампании стало ясно, что орудий и пороха недостаточно. Да, в сентябре удалось сделать небольшой пролом в стене, через который осаждающие пошли на штурм и захватили две поврежденные башни, но их оттуда выбили. Тогда Баторий перешел к планомерной осаде, пытаясь сделать подкопы и подорвать стены, но потерпел неудачу. Попытка нового штурма в ноябре провалилась, так что монарх покинул войско и начал переговоры. Обе стороны были истощены долгой войной, но Речь Посполитая находилась в более выгодном положении и выторговала весьма комфортные условия Ям-Запольского мира на 10 лет, заключенного в январе 1582-го. Иван IV отказывался от всех претензий на Ливонию и захваченные ранее земли, а также передавал Стефану пограничный город Велиж. Взамен Баторий возвращал занятые им города.

Память о Батории

Деятельная натура монарха требовала новых великих свершений, и кое-какие идеи у него имелись. Стефан мечтал о походе против Крымского ханства, чтобы остановить набеги татар на южные земли страны. Не исключал он и новой войны с восточным соседом, а в перспективе – с могущественной Османской империей. Но дворяне не горели желанием тратить деньги на эти кампании, ведь прямой угрозы их владениям уже не было. Поэтому Баторию пришлось

поумерить пыл, занявшись реорганизацией армии и сколачиванием коалиции, готовой поддержать его начинания. Дипломатия была важна еще и потому, что напряженность сохранялась не только на востоке: на севере назревал конфликт со шведами и датчанами, под шумок занявшими часть Ливонии. Договориться с Данией удалось в 1583-м, а вот противоречия со Швецией так и не разрешились. Тамошний король Юхан III в какой-то момент заявил, что и сам может претендовать на трон Речи Посполитой, ведь он тоже женат на родственнице Сигизмунда II Августа, только не на дочери, а на сестре. К слову, после смерти Стефана именно сын Юхана, Сигизмунд III, станет новым монархом Речи Посполитой.

Не все гладко было и дома – многие магнаты и шляхта считали планы Батория угрозой для своих вольностей и доходов. Монарху приходилось постоянно убеждать сейм в том, что он не собирается захватывать всю полноту власти. Порой доходило и до открытых конфликтов, как случилось со шляхтичем-авантюристом Самуилом Зборовским. В 1584 году он попытался занять молдавский престол, а после неудачи вернулся на родину и грозился расправиться с королем. Верный сподвижник Стефана великий гетман Ян Замойский, женившийся на племяннице монарха Гризельде, приказал схватить и обезглавить Зборовского, а его братьев обвинил в измене. Все это было сделано с согласия Батория, мечтавшего расширить свои полномочия, и едва не привело к восстанию. Королю пришлось объясняться перед сеймом и обещать, что больше таких случаев не будет.

Случай со Зборовским стал исключением – обычно монарх действовал более тонко, на отдаленную перспективу. Еще в самом начале своего правления он начал готовить кадры, которые в будущем должны были реформировать ВКЛ, а за ним и всю Речь Посполитую. Для этого в 1579-м был основан

Далеко не все знают, что племянница Батория, графиня Елизавета (Эржебет) попала в Книгу рекордов Гиннеса за сомнительное достижение – массовые убийства. Считается, что с 1585 по 1610 год Елизавета запыталась до смерти огромное количество молодых девушек – называются числа от нескольких десятков до 650! Зачем ей это было нужно, сказать сложно. Известно лишь, что графиня не собиралась возвращать себе молодость, купаясь в человеческой крови, – эта теория была позже придумана беллетристами. Возможно, Эржебет была психически больна или увлекалась колдовскими ритуалами, в любом случае долгое время ее преступления оставались безнаказанными. Арестовали графиню лишь в конце 1610-го, и следующие несколько лет она провела в заключении. Часть исследователей считают, что Елизавету замуровали в комнате, куда через небольшое отверстие подавали еду. Другие же уверены, что графиня пользовалась свободой передвижения в пределах замка-тюрьмы. Конечно, Стефан вряд ли гордился бы таким родством, но о «подвигах» племянницы он так и не узнал, скончавшись гораздо раньше.

Виленский университет, в котором на протяжении двух с половиной столетий учились самые одаренные белорусы. Кроме того, в городах Беларуси, Польши, Литвы и Украины открывались иезуитские коллегиумы, где тоже давали неплохое образование. А особую любовь Стефан проявлял к Гродно – этот город настолько ему приглянулся, что монарх сделал его своей резиденцией и проводил там больше времени, чем в столицах. Злые языки говорили, что трансильванец редко покидает Гродно, потому что там живет его любовница, но внимание пошло городу на пользу. В нем был перестроен королевский замок и возведено немало других зданий, там же монарх и скончался 12 декабря 1586 года, не успев осуществить даже половину своих задумок. Стефану было всего 53 года, поэтому поползли слухи, что его отравили – то ли посланцы Русского царства, то ли Османской империи. Впрочем, медики доказать этого не смогли, хотя и вскрыли тело (впервые в Восточной Европе). Похоронили великого князя и короля тоже в Гродно, хотя позже его тело перевезли в Краков, в Вавельский замок.

Стефан Баторий оставил после себя богатое и разнообразное наследие. Военная реформа, изгнание оккупантов, основание ряда учебных заведений, упорядочение денежной системы – вот лишь немногие из его достижений. Сделал он это всего за 10 лет, и остается только сожалеть, что столь выдающийся монарх не прожил дольше. Память о нем сохранилась и в народе. Например, в Мядельском районе есть озеро Баторино и колодец, якобы выкопанный по приказу Стефана. А одно из самых известных зданий Гродно называется Баториевка, хотя историки думают, что оно было построено после смерти великого князя.

Так или иначе, его свершения позволили Речи Посполитой на протяжении полувека оставаться мощной европейской державой, с которой приходилось считаться любым соседям.

Андрей Окушко

